

Грохот гонга и барабанов оборвался внезапно, словно жирная точка в конце предложения, погрузив всё пространство театра в мертвую тишину. Лишь размеренный скрип водяного колеса за кулисами да тихое журчание ручья делали эту тишину ещё более густой и тревожной.

Хэй Сяцзы, чья рука всё ещё была поднята в воздухе, отвел пальцы и потер их друг о друга, будто пытаясь ощутить остаточные вибрации в воздухе. Уголок его губ изогнулся в ироничной усмешке:

— Ого, а у него скверный характер. Захотел — замолчал. Это он так намекает, что мы нарушили его покой, или решил устроить нам проверку на прочность?

Се Юйчэнь не ответил на его подколку. Его взгляд, подобно самому точному сканеру, быстро и хладнокровно обшаривал полутемную, захлавленную закулисную часть. Пыль кружилась в тусклом свете ламп, а воздух был пропитан запахом сырой древесины, едким ароматом дешевого грима и... едва уловимым, странным приторно-кровавым духом.

В конце концов его взгляд замер на куче сваленных в углу костюмов. Большинство из них были обычными нарядами из грубой ткани, но один выделялся до жути — наполовину скрытый под остальным тряпьем, он притягивал к себе внимание цветом, насыщенным настолько, что, казалось, вот-вот начнет сочиться кровью.

Он сделал шаг вперед, и Хэй Сяцзы, отбросив шутливый тон, последовал за ним.

Се Юйчэнь присел на корточки. Не касаясь ткани руками, он подобрал с пола тонкую бамбуковую веточку и аккуратно развернул одеяние. Даже в полумраке было видно, что на ткани золотыми и черными нитями вышит сложный узор — это были не привычные облака, драконы или фениксы, а нечто искаженное, напоминающее одновременно глаз и водоворот. Глядя на эти наслоения, можно было почувствовать, как кружится голова.

— Этот рисунок... — Се Юйчэнь нахмурился еще сильнее, голос его стал низким. — В сохранившихся фрагментах архива Семьи Се, посвященных запретным искусствам, я встречал нечто подобное. Это называют Зрачки, Сбивающие Сердца. Ничего доброго в этом нет, в древности их использовали в... зловещих ритуалах для связи с миром мертвых и помрачения рассудка.

— Связь с миром мертвых? — Хэй Сяцзы причмокнул и тоже присел, разглядывая узор сквозь темные очки. — Ничего себе, просто спектакль ставят, а размах какой! То призыв душ, то Зрачки. Они что, решили сразу отправлять зрителей на тот свет, минуя этап похоронных церемоний?

Несмотря на легкий тон, его тело слегка напряглось, выдавая готовность к бою. Оставив халат в покое, он принялся рыться в вещах неподалеку. Вскоре он наткнулся на твердый предмет за старым ящиком с реквизитом. Подцепив его ногой, он вытащил небольшой блокнот в кожаном переплете — довольно потрепанный, с затертыми углами.

— Глянь-ка, — Хэй Сяцзы подобрал блокнот и стряхнул с него пыль. — Может, это дневник какого-нибудь прилежного актера, где записано, как держать ритм и взмахивать рукавами.

Он небрежно открыл его. Почерк внутри был неразборчивым и корявым, а текст представлял собой странную смесь из редко используемых символов и упрощенных иероглифов, отчего читать было крайне трудно. Но ни Хэй Сяцзы, ни Се Юйчэнь не были обычными людьми, поэтому они быстро начали разбирать записи.

Первая часть блокнота содержала вполне обычные репетиционные заметки: сколько шагов сделать персонажу, как произнести ту или иную строку. Но чем дальше, тем более пугающим и хаотичным становилось содержание.

«...Нужно петь строго по партитуре, данной "Тем самым", нельзя ошибиться ни на иероглиф...»

«...Банячжу в последнее время не в себе, всё твердит, что по ночам слышит, как кто-то поет ему на ухо этот отрывок "Прощания у ворот"...»

«...Эргоуцзы вчера на репетиции перепутал позицию и сегодня не пришел, сказали, что заболел. Действительно ли это просто болезнь?..»

«...Холодно, становится всё холоднее, даже этот красный халат не спасает от озноба...»

Самым примечательным была одна страница, где более жирным и грубым почерком был несколько раз обведен сложный рисунок, напоминающий какой-то древний Секретный Ключ, а рядом дрожащей рукой было начертано: «Прощание у Бронзовых Врат, нельзя петь, нельзя слушать!»

— Прощание у Бронзовых Врат... — тихо произнес Се Юйчэнь. Его взгляд стал острым, как лезвие. Он обменялся с Хэй Сяцзы многозначительным взглядом, в котором читались потрясение и тяжелая сосредоточенность. Как эта вещь могла оказаться в блокноте деревенской театральной труппы?

— Ищем баньчжу, — решительно заявил Хэй Сяцзы, захлопывая блокнот и пряча его в карман.
— Старик точно что-то знает!

Они не стали терять времени, покинули театр и направились по адресу, который узнали ранее — к старому заброшенному дому на окраине деревни.

Ночь сгустилась. В деревне стояла такая тишина, что не было слышно даже собачьего лая. Дом одиноко высился в лунном свете, его темные окна напоминали глазницы безмолвного чудовища.

Калитка была приоткрыта. Хэй Сяцзы слегка подтолкнул её, и она отозвалась протяжным, неприятным скрипом. Во дворе ни души, дверь в главную комнату тоже была приоткрыта.

Дурное предчувствие охватило обоих. Се Юйчэнь подал знак, Хэй Сяцзы понял его без слов, и они, прижавшись к стене по обе стороны от входа, беззвучно приблизились к дверному проему.

Внутри было темно. Благодаря скудному лунному свету, пробивавшемуся через щели в дверях и разбитые окна, они увидели худощавую фигуру — это был баньчжу. Он сидел в кресле, повернувшись спиной к выходу, слегка ссутулившись и не двигаясь.

— Баньчжу? — осторожно позвал Хэй Сяцзы.

Ответа не последовало.

Взгляд Се Юйчэня стал жестким, и он с силой распахнул дверь!

В ту же секунду поток воздуха в комнате встрепенулся. Над балками, словно призрак, метнулась черная тень и вылетела в заднее окно, двигаясь так быстро, что оставила после себя лишь размытый след.

Хэй Сяцзы среагировал мгновенно, бросив короткое: — Преследуй! — он сорвался с места, словно леопард, бросаясь к окну.

Се Юйчэнь же одним прыжком оказался перед баньчжу. Старик сидел с широко открытыми глазами, зрачки его были расширены, на лице застыло выражение глубочайшего ужаса, а рот был слегка приоткрыт, словно он пытался закричать, но не смог издать ни звука. Его правая рука была крепко сжата в кулак, прижатый к груди.

Се Юйчэнь нащупал пульс на шее и дыхание, после чего тяжело покачал головой.

Опоздали. За мгновение до их прихода баньчжу испустил дух — он умер от чистого ужаса.

Хэй Сяцзы вернулся через окно, покачав головой: — Слизнул, как угорь, не догнал. — Он подошел к телу и, глядя на застывшее в страхе лицо, цокнул языком: — Убийство ради молчания? Или... его убрали за то, что он слишком много знал?

Его взгляд упал на сжатую правую руку старика. Он присел, осторожно, но с силой разжал окоченевшие пальцы.

Из ладони баньчжу на пол выскользнул какой-то предмет, издав звонкий звук: «Динь».

Это была старинная медная пластина с сине-черным металлическим отливом, отлитая в форме абстрактной, примитивной рыбы. В глазу рыбы было небольшое углубление.

Хэй Сяцзы поднял её и принялся разглядывать в лунном свете. Се Юйчэнь подошел ближе, и оба погрузились в молчание.

Звуки невидимого гонга, зловещий кровавый халат, записи о Прощании у Бронзовых Врат, смерть баньчжу и эта внезапно появившаяся рыба-амулет, ставшая ключом к разгадке второй половины тайны...

Все ниточки вели к одному бездонному водовороту.

Хэй Сяцзы подбросил в руке холодный медный амулет; в его темных очках отразился холодный лунный свет. Уголки его губ дернулись, и в голосе смешались азарт и серьезность:

— Ну что ж, спокойно посидеть нам теперь точно не светит. Ну что, рыбка сама клюнула на крючок?

<http://bllate.org/book/21840/2264170>